

УДК 930. 1(063)

М. П. Маденова

*Российский Государственный Гуманитарный Университет*ИСТОРИОГРАФИЯ И РЕЦЕПЦИЯ КАК ДВА СПОСОБА ОСВОЕНИЯ
НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДА А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
«МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ»)

Анализируются механизмы освоения научного наследия историков-предшественников: историографического анализа и рецепции идей историков на примере труда А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Выявляются основные черты каждого из названных элементов исторического исследования, дается их характеристика, а также устанавливаются их различия.

Ключевые слова: рецепция, историография, критика, методология истории, А. С. Лаппо-Данилевский.

Хорошо известно, что изучение предшествующей историографии – неотъемлемая составляющая профессионально выполненного научного исследования. Но не всегда четко осознается, что освоение имеющегося опыта идет двумя принципиально различными путями – путем историографического анализа и путем рецепции, которые зачастую сложно полностью отделить друг от друга не только для читателя, но и для самого автора. Но по сути это две совершенно разные вещи: в первом случае автор пересказывает мысли своих коллег, а во втором – на их основе выстраивает свою концепцию. Именно для того, чтобы понять «что чье» и насколько новое исследование действительно ново, необходимо четко различать два названных элемента. Это актуально, поскольку сегодня, в период иного мышления, другого осознания мира, глобализации, междисциплинарности и появления новых методов исследования, уже известные теории могут приобрести новое значение или стать основой новых теорий. Но в условиях существующего на данный момент большого количества разнообразной информации встает вопрос о качестве и об оригинальности исследования. На первый взгляд, эта задача кажется несложной, но на деле не всегда можно легко отличить одно от другого, особенно когда автор сам разделяет точку зрения своих предшественников, а исследование не лишено анализа и критики.

В данной статье мы разберем два таких элемента исторического исследования как историография и рецепция на примере двухтомного труда российского историка А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» (Лаппо-Данилевский 2010a,b).

Говоря об историографии, мы подразумеваем, что историк лишь критически анализирует и отчасти описывает (при всей условности самого понятия описание) идеи других авторов. В больших трудах по теории истории авторы, как правило, до изложения собственных концепций уделяют большое внимание построениям своих предшественников, излагают ранее сформулированные идеи коллег.

В своем двухтомном труде А. С. Лаппо-Данилевский упоминает множество ученых и останавливается на теориях многих из них. Автор не просто пересказывает идеи всех подряд историков, хаотично и без разбора, но анализирует их и систематизирует по школам, направлениям. Так, например, говоря о том, что его предшественники в своих исследованиях уже пользовались общей психологией, автор приводит идеи немецкого историка Карла Лампрехта: «Лампрехт находится под влиянием Липпса и утверждает, «что история ничто иное, как прикладная психология и что она изучает развитие психических продуктов, общих данному человеческому обществу». С такой же точки зрения Лампрехт старается обосновать и свою периодизацию немецкой истории; он характеризует тип психики каждого периода преобладанием определенного социально-психического фактора, порождающего и соответствующие характерные продукты культуры» (Лаппо-Данилевский 2010a, pp. 208-209). А. С. Лаппо-Данилевский создает целостную картину, сложившуюся к концу XIX – началу XX века в исторической науке, прослеживает развитие исторической мысли, называя основных представителей и их теории. Это помогает читателю получить общее представление об основных течениях: «В дальнейшем развитии того же направления, представители которого уже строже придерживались теоретико-познавательной точки зрения, можно различать несколько оттенков. Навилль, например, выступивший вскоре после Дильтея с трудом по классификации наук, еще находился скорее под влиянием рационализма и пробабиллизма, чем критицизма; Виндельбанд и Риккерт, напротив, исходят из его начал и принимают во внимание этический идеализм; наконец, Ксенополь придерживается довольно смешанных воззрений, в которых эмпирический реализм играет не последнюю роль» (Лаппо-Данилевский 2010a, p. 315). Таким образом, основная функция историографии в исторических трудах заключается в обзоре существующих теорий, направлений. Автор создает общую картину и на фоне нее выстраивает собственные концепции.

Как можно заметить, в приведенных выше рассуждениях А. С. Лаппо-Данилевский не ограничивается простым упоминанием ученых и пересказом их идей, а систематизирует их, отмечает преемственность, анализирует и некоторых подвергает критике. Таким образом, историографию можно условно поделить на два вида. Первый – исследователь предлагает ознакомительное описание трудов других ученых. Второй – помимо описания исследователь дает критику представленных идей. В этом случае теории историков воспринимаются более осознанно и можно рассмотреть актуальность их применения в современной автору ситуации.

Отметим, что в работе А. С. Лаппо-Данилевского первый вид историографии почти отсутствует и, следовательно, предположим, что он встречается в основном в учебной литературе, целью которой является ознакомительный обзор теоретических концепций. В научных же трудах авторы склонны к анализу теорий своих предшественников. Здесь можно также привести работы и других ученых, например, Эрнста Бернгейма, который в первых главах своего труда «Историческая наука и философия истории» также дает историографический обзор предшествующих течений с анализом и критикой существующих концепций (Bernheim 1880). То же мы видим и в работе «Культурно-исторический метод» Карла Лампрехта (Lamprecht 1990).

Итак, отметим следующие основные черты историографии. Во-первых, она является неотъемлемой частью крупного исторического исследования, что и так, в общем-то, понятно. Во-вторых, историография условно делится на два вида – по наличию или отсутствию критики. В-третьих, критика, которую в данном случае можно рассматривать как анализ, является важным элементом историографии, отдельно она существовать не может.

При рассмотрении той или иной идеи своего коллеги, автор обычно дает собственную оценку его теориям. Например, при рассмотрении некоторых взглядов В. Вундта, у А. С. Лаппо-Данилевского наряду с изложением присутствует критика, содержащая в себе анализ: «Нельзя не заметить, однако, что попытки подобного рода психологических обобщений еще не дают «исторических законов» в строгом смысле слова. В одном месте сам Вундт называет установленное им положение об «исторических производных» «принципом», а не законом; и действительно, не говоря о более широком приложении такого положения, его, конечно, можно признать методологическим принципом исторического исследования, но не законом исторических явлений. – «Закон контрастов», в сущности, также нельзя назвать законом; Вундт едва ли правильно устанавливает в нем причинно-следственную связь между определенной причиной и действием; да ее и нельзя установить, так как данная тенденция сама по себе еще не может вызвать реакции...» (Лаппо-Данилевский 2010а, р. 240). В некоторых случаях автор не высказывается только положительно или только отрицательно относительно взглядов своих коллег. Например, говоря об Э. Бернгейме, А. С. Лаппо-Данилевский наряду с недостатками его теории, отмечает и некоторые положительные моменты: «Хотя определение Бернгейма вызвало возражения, ... однако все признают за его учебником крупные достоинства... [здесь и далее выделенной мной – М. М] ...я только замечу, что автор все же мало обосновывает свою теоретико-познавательную точку зрения и смешивает теоретические принципы с техническими правилами. По методологии источниковедения Бернгейм сообщает много ценного. ... Впрочем, Бернгейм слишком мало интересуется основаниями такого деления и не применяет его принципа к систематике более конкретных групп исторического материала. Нельзя не заметить, что и дальнейшая система его изложения вызывает некоторые сомнения. ... он довольно слабо развивает свою мысль и не вполне удовлетворяет компетентных судей...» (Лаппо-Данилевский 2010а, pp. 146-147).

Критика идей в рамках историографии не нацелена только на констатацию отрицательных сторон, но все же авторы достаточно часто указывают как раз на недостатки в теориях своих коллег. Так, критика А. С. Лаппо-Данилевского касается в основном слабого или неглубокого развития той или иной мысли его предшественниками. В случаях позитивного отзыва автора о работе его коллеги отрицательные замечания все же не исключены: «Хотя Бёк не успел сам окончательно выработать систему, свободную от недостатков, и, в сущности, посвящал свои лекции изложению методов исторического изучения только применительно к классической древности, но все же его курс, по полноте и разносторонности содержания, долгое время оставался единственным в своем роде и, наконец, уже по смерти автора, появился в печати» (Лаппо-Данилевский 2010b, р. 12). Вообще, относительно теорий своих коллег у А. С. Лаппо-Данилевского отсутствует положительная критика в чистом виде, всегда наряду с одобрительными отзывами присутствуют какие-либо замечания. Например, российский ученый отмечает недостатки и достоинства идей И. Г. Дройзена: «и в тех случаях, когда рассуждения автора (например, о психическом характере исторических источников и фактов) можно признать правильными, они далеко не всегда ясно выражены: в своих афоризмах он не развивает

высказываемых им положений, не доказывает их и не иллюстрирует примерами. Тем не менее, Дройзен высказывает в своей книге немало ценных и глубоких замечаний, например, о делении источников на остатки и предания, о психологическом истолковании, об отношении этики к истории и т. п.; но систему их изложения едва ли можно признать удачной: методология источниковедения и методология исторического построения в ней смешаны» (Лаппо-Данилевский 2010а, р. 136). А. С. Лаппо-Данилевский опять отмечает недостаточное развитие идей, а также неясность выражения мысли.

Итак, критика, содержащая в себе анализ, является неотъемлемой частью историографии, благодаря чему изложение концепций коллег не превращается в обыкновенный пересказ их взглядов, а представляет собой осмысление их идей и некоторую попытку осознания возможности применения рассмотренных концепций в современной автору ситуации. Критика в историографии играет также важную роль в сравнении существующих теорий или выявлении преемственности взглядов, что мы видели на примерах А. С. Лаппо-Данилевского, способствует созданию более четкой структуры, благодаря чему у читателя складывается целостное представление о существующих направлениях. В трудах исследователей критика редко бывает положительной. Например, в своей «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевский только позитивно, безо всяких замечаний, не отзывается ни об одном из ученых, он всегда указывает на какие-либо недоработки в представленных теориях. Критика в историографии способствует осознанному отношению к представленным теориям коллег, рассмотрению возможности применения их в современной ситуации, выявлению, по большей части, их недостатков и, соответственно, обоснованию необходимости предложенного автором исследования. Последнее, что важно здесь отметить, так это то, что историография не предполагает дальнейшего развития автором рассмотренных им концепций его коллег. Историография фокусируется на уже созданных теориях, а не на новых, она всегда обращена в прошлое. Это важно осознавать для того, чтобы отличить историографию от рецепции.

Процесс познания и рецепции очень подробно изложила О. М. Медушевская в работе «Теория и методология когнитивной истории». Хотя сам термин «рецепция» автор не употребляет, именно ее концепцию мы и возьмем за основу. Для начала надо разобраться, как же этот процесс происходит и возможен ли он, особенно учитывая то, что рассматриваемые нами авторы принадлежат к разным странам и культурам. Сразу могу сказать: да, возможен, – и вот почему. Человек способен к целенаправленной деятельности по созданию культурных объектов, вещей, в которых он фиксирует информационный ресурс (Медушевская 2008, р. 33). Распознать этот ресурс он может через опосредованный обмен, через материальный продукт. В нем человек фиксирует свои идеи, из него извлекает информацию о других людях (Медушевская 2008, рр. 44-45). То есть то, что для одного индивида является интеллектуальным продуктом, для другого – источником информации. Материальный продукт находится в информационной сфере, которая доступна каждому и открывает возможности для информационного взаимодействия, происходящего осознанно. Передача информации от одного индивида к другому происходит путем преобразования ее в вещественную форму, которая может быть подвергнута реконструкции в обратном направлении, то есть может вновь стать информацией (Медушевская 2008, р. 73). Одним из уровней информационного обмена между индивидами является уровень «признания чужой одушевленности» (Румянцева 2007). То есть индивид признает сходство своего сознания с сознанием другого. Таким образом, человек способен к рецепции уже существующих идей. Он может представить себе ход мыслей другого индивида и осуществить обратное преобразование, которое в сознании интерпретатора трансформируются в его новую картину мира. Любой интеллектуальный объект создается с определенной целью, которую можно установить. Но идея творца не может воплотиться полностью, продукт всегда неидеален и предположительно должен быть улучшен, как только появятся необходимые для этого условия (Медушевская 2008, рр. 77-81). Работа индивида с материальным продуктом порождает новую информационную картину, включающую в себя и созданный продукт и соотнесение полученного результата с первоначальным замыслом, а также предполагает возможные варианты последующей деятельности (Медушевская 2008, р. 97). То есть в процессе информационного обмена индивид способен понять цель создания изучаемого продукта, соотнести с ней то, что в итоге получилось и под действием присущей человеку самокоррекции предложить идеи дальнейшего развития данного продукта. Это и есть рецепция индивидом научных идей другого. Рецепция не является подражанием. Индивид, изучающий материальный объект своего коллеги, не стремится впоследствии создать нечто похожее, а стремится улучшить уже имеющееся, так как «человек создает вещь для того, чтобы она наилучшим образом соответствовала своему назначению» (Медушевская 2008, р. 109). Информационный обмен преодолевает языковые барьеры

любого характера (Медушевская 2008, р. 93), то есть мы можем говорить, что возможен и интернациональный информационный обмен: то есть русский творец интеллектуального продукта может понять своего иностранного коллегу, то есть рецепция не имеет географических границ.

В своей работе О. М. Медушевская использует термин «информационный магнетизм», на наш взгляд близко подходящий к используемому нами термину рецепция. Под информационным магнетизмом автор подразумевает «присущее индивиду свойство воспринимать информационный ресурс, заключенный в интеллектуальных продуктах, созданных другим человеком, раскодировать его и включить в свою информационную картину мира» (Медушевская 2008, р. 115). Мы под рецепцией подразумеваем основанный на принципе «признания чужой одушевленности» осознанный интеллектуальный процесс восприятия информации, заложенной в материальном продукте, путем его реконструкции, соотнесение извлеченной информации с целью создания продукта и на основе этого построение идей дальнейшего развития данного продукта.

Таким образом, говоря о рецепции, мы подразумеваем, что историк воспринимает труды своих коллег и использует их идеи в дальнейшем для собственных исторических построений. Так, опираясь на опыт И. Г. Дройзена, А. С. Лаппо-Данилевский дает свою характеристику историческому источнику: «Следовательно, произведением человека можно назвать объект, значение которого объясняется лишь при помощи предпосылки чужой одушевленности, обнаружившейся в его особенностях; в таком смысле произведение человека или результат его деятельности следует признать психическим продуктом. ... С такой психологической, а не гносеологической точки зрения можно сказать, что исторический источник есть, прежде всего, продукт человеческой психики и что «лишь то, чему человеческий дух и человеческий смысл придали форму, в чем они отпечатались, чего они коснулись, лишь человеческий след может получить значение исторического материала» (Лаппо-Данилевский 2010b, pp. 35-36). Или А. С. Лаппо-Данилевский в своих построениях разделяет точку зрения какого-либо историка, ссылаясь на его работы, например, на работы Г. Риккерта: «Следует заметить, однако, что, поскольку действительность нам дана, она представляется нам конкретно данной. В самом деле, действительность всегда представляется нам в данной нам конкретности; значит, если история занимается научным построением действительности, она должна заниматься таким построением ее в ее конкретности: “только частное и есть то, что действительно происходит”. Следовательно, историю, в таком именно смысле, можно назвать наукой о действительности, рассматривающей ее в отношении ее к конкретному» (Лаппо-Данилевский 2010a, р. 328).

Но не обязательно, что автор использует только теоретические построения своих коллег. Это могут быть и термины (хотя значение их может различаться): «Употребляемый мною термин «сочувственное переживание» близко подходит к термину Липпса: «Einführung» («вчувствование»)» (Лаппо-Данилевский 2010a, р. 410). Могут быть и примеры: «В черновых набросках, например, автор иногда свободнее и яснее выражает свою задушевную мысль, чем в отделанном, предназначенном для публики произведении <...> В виде примеров можно указать хотя бы <...> на различные редакции «истории моего времени» Фридриха Великого, по которым можно судить о том, в какой мере исторические и политические взгляды юного короля изменились ко времени его старости, и т. п. » (Лаппо-Данилевский 2010b, р. 144). Здесь А. С. Лаппо-Данилевский упоминает работу Г. Вольфа «Einführung», откуда и был взят данный пример. Или: «...можно припомнить, например, донесения папских нунциев и венецианских послов XVI–XVIII столетий; о них см. G. Wolf, Einführung, SS. 605–613, 620–621», – отмечает А. С. Лаппо-Данилевский, говоря о достоверности и недостоверности показаний (Лаппо-Данилевский 2010b, р. 364). Таким образом, автор, взяв некоторые обстоятельства, упомянутые в прошлых работах своих коллег, осмысленно применил их к своим идеям, используя данный материал в качестве иллюстрации. То есть рецепция может основываться не только на теоретических построениях коллег-ученых и возможном развитии их идей, но и на совокупности фактологического материала.

Также А. С. Лаппо-Данилевский иллюстрирует свои мысли примерами из работ ученых не только из области истории, но и из других областей науки. Так, говоря о ложных показаниях и «ошибках памяти», он приводит цитату из исследования по психологии В. Штерна: «свидетель наблюдает, положим, трех людей, собравшихся вокруг стола и приступающих к обеду, причем один из них в вышеуказанном положении, другой сидит на скамье, а третий собирается занять стул, который стоит спереди у стола, но в своем показании о виденном говорит, что, соответственно числу обедающих, при столе было три стула» (Лаппо-Данилевский 2010b, р. 310). Для А. С. Лаппо-Данилевского в его исторических построениях психология играла одну из ведущих ролей, и он неоднократно использует материалы из исследований иностранных ученых, занимавшихся данной

наукой. В теоретических трудах по истории в то время исследователи не уделяли большого внимания данному аспекту. Помимо психологии для иллюстрации своих идей А. С. Лаппо-Данилевский использовал примеры из работ ученых других областей науки: филологии, культурологии и др.

Таким образом, говоря о рецепции, отметим следующее. Во-первых, она направлена на создание новых теорий, обращена в будущее. Во-вторых, материалом для новых исторических построений могут служить не только идеи коллег-авторов, но и фактологические данные, содержащиеся в их работах. В-третьих, не обязательно исследования должны быть по исторической тематике. Как мы видели на примерах, указанных выше, основой для нового знания может служить и материал работ из других областей науки, что актуально особенно сейчас, в период междисциплинарности.

Конечно, новое теоретическое знание строится не только на осмыслении и систематизации фактологического материала. Без осознания существовавших и существующих концепций это невозможно. Здесь мы вновь возвращаемся к такому элементу как критика, который является не только частью историографии, но и рецепции. Также не будем забывать и про анализ, с которым она напрямую связана.

Анализ и критика идей иностранных авторов в связи с их рецепцией А. С. Лаппо-Данилевским, по сути, должен выявлять недоработки их теорий и затем способствовать новым историческим построениям российского ученого. Чаще всего у А. С. Лаппо-Данилевского эта критика отрицательная. Отрицательной критикой мы также считаем и указание на пробелы в теории, на ее неполное или недостаточное развитие, не раскрытие, а лишь упоминание основных моментов, пусть даже главные идеи автор и разделяет. Например, говоря о сравнительном методе, А. С. Лаппо-Данилевский указывает на недостатки исследования В. Вундта: «Автор, однако, лишь мимоходом упоминает об этой познавательной цели [установление сходства, а не различия], с точки зрения которой, казалось бы, и нужно определять самую «сущность» метода, а потому и не выясняет соотношения между установлением сходства и установлением различия» (Лаппо-Данилевский 2010b, р. 508). Сам же российский историк говорит об этой проблеме более подробно, не забывая упомянуть, что, хотя В. Вундт и дает общую характеристику сравнительного метода, она едва ли является достаточно обоснованной и развитой (Лаппо-Данилевский 2010b, р. 509). Таким образом, мы видим, что А. С. Лаппо-Данилевский изначально разделяет взгляды В. Вундта, но все же, подчеркивая необходимость их дополнения и последующей разработки, российский историк идет дальше и развивает данную теорию, применяя ее к историческому построению. Обычно, несмотря на присутствие положительной критики, А. С. Лаппо-Данилевский все-таки указывает на пробелы в теориях своих коллег, что обычно проявляется в недостаточном развитии их мыслей. Таким образом, получается, что только положительной критики в рамках рецепции в работе российского ученого нет. Это подтверждается многочисленными примерами, один из которых уже упомянут выше. Также отметим, что идеи, подвергнутые критике и не вызвавшие одобрения А. С. Лаппо-Данилевского, не развиваются им дальше, они скорее остаются в области историографии. То есть, в основе рецепции могут быть те теории, с которыми автор хоть немного согласен, но они имеют некоторые недостатки, например и достаточно часто, – в их последовательном развитии.

Итак, рецепцию, так же как и историографию, можно условно разделить на два вида и так же критерием будет являться наличие или отсутствие критики. Если таковая присутствует, то в этом случае рецепция основывается на развитии теорий историков, заполнении пробелов, а если нет (в этом случае автор в качестве материала использует фактологические данные или разделяет взгляды своих коллег) – то идеи историков служат более иллюстративным материалом, который автор использует в своих построениях.

Таким образом, можно заметить, что и в историографии и в рецепции присутствует такая неотъемлемая составляющая как критика, которая, на первый взгляд, могла бы быть выделена в отдельный элемент. Но она таковым не является. В случае с историографией критика способствует осознанному отношению к теориям ученых, осмыслению возможности применения существующих идей в современной ситуации, выявлению слабых мест. В случае с рецепцией критика помогает улучшить существующие концепции, найти им применение сегодня, использовать идеи из других областей науки, имеющиеся отношения к изучаемым проблемам.

Итак, отметим основные различия историографии и рецепции. В рамках историографии, автор фокусируется только на трудах своих коллег. Он рассматривает их идеи, подвергает их анализу и критике, но в итоге сам автор на этой основе не создает никаких новых исторических теорий. В случае же с рецепцией исследователь не только обращается к работам своих коллег, но и на основе их выстраивает свои концепции. То есть, в отличие от историографии, рецепция имеет своей целью создание нового исторического знания путем осмысления уже имеющегося и применения его к современной автору ситуации.

Именно наличие в работе такого элемента как рецепция говорит о том, что она не состоит из пересказа уже существующих идей, а является исследованием.

Конечно, мы осознаем сугубо предварительный характер проводимого нами различения историографии и рецепции, но, на наш взгляд, это различение дает эффективный инструментальный анализ крупных оригинальных работ по теории исторического знания – таких, как «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского.

Библиографические ссылки:

1. Bernheim, E., 1880. *Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie*. Göttingen: Verlag von Robert Peppmüller.
2. Lamprecht, K., 1900. *Die kulturhistorische Methode*. Berlin: H. Heyfelder.
3. Лаппо-Данилевский, А. С., 2010а. *Методология истории*. Т. 1. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
4. Lappo-Danilevskiy, A. S., 2010a. *Metodologiya Istorii*. Vol. 1. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
5. Лаппо-Данилевский, А. С., 2010б. *Методология истории*. Т. 2. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
6. Lappo-Danilevskiy, A. S., 2010b. *Metodologiya Istorii*. Vol. 2. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
7. Медушевская, О. М., 2008. *Теория и методология когнитивной истории*. Москва: РГГУ.
8. Medushevskaya, O. M., 2008. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii*. Moscow: RGGU.
9. Румянцева, М. Ф., 2007. 'Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства'. *Cogito*, вып. 2. с. 35-54.
10. Rumyantseva, M. F., 2007. 'Kontsept "priznaniye chuzhoi odushevlenosti" v russkoi versii neokanteanstva'. *Cogito*, no. 2. pp. 35-54.

Маденова М. П. Історіографія та рецепція як два способи освоєння наукової спадщини (на прикладі праці А. С. Лаппо-Данилевського «Методологія історії»).

Аналізуються механізми освоєння наукової спадщини істориків-попередників: історіографічного аналізу та рецепції ідей істориків на прикладі праці А. С. Лаппо-Данилевського «Методологія історії». Виявляються основні риси кожного з названих елементів історичного дослідження, дається їх характеристика, а також встановлюються їх відмінності.

Ключові слова: рецепція, історіографія, критика, методологія історії, А. С. Лаппо-Данилевський.

Madenova M. Historiography and reception as two ways of scientific heritage research (Illustrated by the A. S. Lappo-Danilevskiy's book "The methodology of history").

The author of the article examines two ways of scientific heritage research on the basis of the A. S. Lappo-Danilevskiy's book "The methodology of history": the historiography analysis and the reception of the ideas of historian. The author raises a problem of the novelty and origin of the historical research. The main features of these two elements of historical study are being revealed, as well as being characterized and discerned. If we talk about historiography, we mean that a historian analyses and describes the ideas of other authors. As a rule in large studies there is a special chapter in the beginning with the structured and analyzed historical theories of predecessors. So the main function of historiography consists in the review of the present theories and streams. The author creates his own theory against their background. We detected the following main traits of historiography. Firstly it is an integral part of the historical research. Secondly the historiography can be divided in two categories – depending on the presence or absence of criticism. Thirdly the criticism, which in this case could be regarded as analysis, is an important part of historiography, it couldn't exist separately. It is the criticism that makes the review of the predecessors ideas comprehended and helps to avoid just a retelling of their theories. The criticism is also important in comparison of the present streams and detecting of conviction continuity. Fourthly the historiography doesn't suppose the development of the regarded views of other authors; it focuses on the already created theories and is always "directed to the past".

The reception implies an intellectual process of perception of information, which exists in a material product. This information is to be reconstructed, compared with an aim of the product's creation and after that the ideas of farther development are to be made. The principle of "accepting another's soul" is to be used. The criticism could be a part of reception as well it divides it into two sorts by its presence or absence. We detected the following main traits of reception. Firstly it is aimed to the creation of new theories, "directed to the future". Secondly the views of colleagues as well as the other facts, contained in their studies, could be the sources for the new historical theories. Thirdly the studies shouldn't be necessarily devoted to the historical subject, especially on the present situation of interdisciplinary.

Keywords: historiography, reception, criticism, history methodology, A. S. Lappo-Danilevskiy.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.